

Сюй Жуйцзе, видя, что тот наклонился завязать шнурки, развернулся и вышел, на прощание бросив:

— Я подожду тебя за дверью.

Сюй Жуйцзе стоял за дверью под зонтом, и не прошло минуты, как Чжао Ифэй вышел.

— Зачем ты опять пришёл? — В тоне Чжао Ифэя не было нетерпения, скорее любопытство.

Сюй Жуйцзе, держа зонт, шагнул в снег. Снег шёл всё сильнее: сначала редкие мелкие снежинки, а теперь хлопья размером с гусиное перо. На земле снова намело толстый слой, обувь утопала в нём наполовину. К счастью, на Сюй Жуйцзе были высокие сапоги, доходившие до голени.

Взглянув на ноги Чжао Ифэя, он увидел выцветшие желтоватые кроссовки.

Не услышав ответа, Чжао Ифэй просто шагал под зонтом Сюй Жуйцзе, следуя за ним без определённой цели. Что бы Сюй Жуйцзе ни сделал с ним в прошлом, в сердце Чжао Ифэя он навсегда оставался лучшим другом, братом. По поводу того случая он поначалу тоже ненавидел Сюй Жуйцзе, думал порвать с ним и никогда больше не видеть. Но когда он ступил в общество, ощутил на себе всю людскую холодность и суровость жизни, о которых в школе и не подозревал, чаще всего он вспоминал помощь и заботу Сюй Жуйцзе в студенческие годы, их общие моменты, которые никак не стереть из памяти.

Чем больше он думал, тем больше тосковал по той беззаботной поре в школе. Прошло около года, прежде чем он по-настоящему отпустил это и простил Сюй Жуйцзе за тот неловкий, трудный для произношения поступок. Он знал, что Сюй Жуйцзе, возможно, поступил так потому, что был пьян, молод и горяч, поддался минутной слабости и, будучи в стельку, перепутал мужчину с женщиной.

— Куда ты меня ведёшь? — Чжао Ифэй заметил, что Сюй Жуйцзе наклонил зонт так, что большая его часть прикрывала его, Чжао Ифэя, а половина тела самого Сюй Жуйцзе оказалась снаружи, покрываясь снегом.

— Здесь холодно, поговорим в машине, — Сюй Жуйцзе произнёс это, боком взглянув на Чжао Ифэя.

Чжао Ифэй, встретившись с его взглядом, толкнул руку, державшую зонт, в его сторону:

— Подвинь немного к себе, половина твоего тела уже снаружи.

Сюй Жуйцзе снова наклонил зонт:

— Со мной всё в порядке. Главное, чтобы ты не промок.

Эти негромкие, но весомые слова заставили сердце Чжао Ифэя учащённо забиться. В школе тоже так было: Сюй Жуйцзе всегда думал о нём больше, чем о себе, и в мелочах, которые другие не замечали, вызывал в нём умиление.

Двое вышли со стройки, дойдя до въезда. На пустыре там стояло несколько машин: белый микроавтобус, чёрно-белые легковушки, все марки Great Wall. Сюй Жуйцзе остановился у чёрного седана «Мерседес» и сначала открыл дверь переднего пассажирского сиденья:

— Садись.

Чжао Ифэй, может, и не разбирался в марках других машин, но BMW и «Мерседес» он знал. Сколько стоит эта машина, он, конечно, не представлял.

Увидев, что Сюй Жуйцзе открыл для него дверь, он, как близкий друг и брат, без лишних церемоний сел внутрь.

Но едва оказавшись в салоне, он почувствовал гнетущее ощущение потери и разрыва. Когда он был рядом с Сюй Жуйцзе, разница между ними казалась пропастью между раем и адом, лишая его покоя. Не сравнивать было невозможно. В школе Сюй Жуйцзе был лучше него, теперь, в обществе, Сюй Жуйцзе всё равно лучше. Не только лучше — семейные условия у него на уровень выше, он уже наполовину успешный человек, с карьерой, и теперь ещё и машина появилась. Машина — это ещё что, главное — марка: «Мерседес».

А он? В школе был двоечником, из бедной семьи, не поступил в университет и пошёл работать. Семнадцатилетним начал зарабатывать, и вот уже двадцать два. Ни карьеры, ни достижений, дом по-прежнему в деревне, всё те же голые стены, ещё несколько му полей. Каждый Новый год, возвращаясь домой, он почти ничего не мог скопить; если хватало на себя и не приходилось просить у семьи — уже отлично. Где взять лишние деньги на помощь дому?

А теперь отец после аварии лежит дома, восстанавливается. Только на больничные и лекарства ушло несколько десятков тысяч. Если бы не авария с отцом, он бы и не начал копить, усердно работать. Раньше он устраивался на завод электроники или официантом, беззаботно получал две с лишним тысячи юаней в месяц и прожигал жизнь. Теперь всё иначе: чтобы зарабатывать больше, он стал искать тяжёлую, изматывающую работу, и на стройку тоже пришёл сам.

Такая вот жизнь. Родиться легко, выжить легко, а жить — трудно!

Сюй Жуйцзе сложил зонт и, садясь в машину, убрал его в специальный отсек у ног.

— У тебя дома всё лучше и лучше, а у меня всё по-старому. Ты теперь состоялся, есть дом и машина, а у меня по-прежнему ничего нет. В школе я гулял беззаботнее тебя, а в обществе ты преуспел больше меня, — с самокритикой произнёс Чжао Ифэй.

Сюй Жуйцзе понимал, что Чжао Ифэй таким полу-шутливым тоном выплёскивает своё внутреннее неравновесие, и лишь усмехнулся:

— Всё это лишь внешнее, ширма. Дом, машина — если не с кем ими делиться, не имеют смысла.

— Зачем ты меня позвал, что хотел сказать? — Чжао Ифэй устремил взгляд вперёд, выражение лица и тон были спокойными.

Сюй Жуйцзе протянул ему приготовленную записку:

— Это мой номер телефона. Если что — звони. Внизу ещё адрес моего дома, можешь приходить когда угодно.

Чжао Ифэй нерешительно взял и, поднеся к глазам, просмотрел: строчка телефонного номера, под ним чётко написанный адрес.

— Приезжай на Новый год ко мне. Кстати, родители всё время пытаются меня женить, но я

отказываюсь. Потому что говорю им: в моём сердце уже есть человек. Из-за него там больше нет места ни для кого. Хочешь знать, кто это? — Говоря это, Сюй Жуйцзе снова повернулся и тихо смотрел на профиль Чжао Ифэя.

Сердце Чжао Ифэя начало бешено колотиться, появилось дурное предчувствие. Он чувствовал, что Сюй Жуйцзе смотрит на него. Хотел отвести взгляд, но из-за волнения не двигался, наконец, шевельнул губами:

— Не хочу.

Не может быть! Это точно неправда. Он боялся, что если спросит, Сюй Жуйцзе назовёт того человека, и это окажется одновременно неожиданным и ожидаемым. Он не решался столкнуться с таким исходом. Возможно, всё это лишь его собственные домыслы. Он надеялся, что так и есть.

— Почему не хочешь знать? — Сюй Жуйцзе не упускал ни малейшего изменения в выражении лица Чжао Ифэя. Он видел, что тот нервничает.

— Мне неинтересны чужие личные дела. Кого ты любишь, не обязательно говорить мне, — Чжао Ифэй взглянул на него сбоку, без каких-либо эмоций.

— Ладно, не буду, — Сюй Жуйцзе от его взгляда похолодел внутри, надул губы и упавшим голосом ответил.

— Если больше ничего, я пойду, — Чжао Ифэй не хотел оставаться в машине. Не то чтобы он не желал говорить с Сюй Жуйцзе дальше, просто не хотел делать это в машине. В салоне он чувствовал гнетущую, необъяснимую тяжесть, от которой прямо-таки хотелось сбежать.

Видя, что Чжао Ифэй открывает дверь и собирается выйти, Сюй Жуйцзе хотел что-то сказать, но промолчал, и наконец лишь с глубокой досадой бросил:

— Помни, связывайся чаще, неважно, по делу или просто так. Я номер не поменяю!

— Знаю! — Чжао Ифэй взмахнул в его сторону запиской.

В этот момент внезапно налетел сильный ветер, вырвавший бумажку из его рук. Сюй Жуйцзе заволновался и из окна увидел, как Чжао Ифэй пробежал немного вслед за уносимой ветром запиской, затем наклонился, поднял почти слившуюся со снегом белую бумажку, осторожно стряхнул с неё снег пальцами, ещё подул на неё и сунул в карман, после чего повернулся и скрылся на стройке.

Увидев это, Сюй Жуйцзе почувствовал внутри тепло, а глаза немного увлажнились. Внешне Чжао Ифэй всегда говорил сдержанно, относился к нему прохладно, но на самом деле он очень дорожил их дружбой. Видя, как тот так бережно сохранил эту записку, Сюй Жуйцзе действительно растрогался, ему даже захотелось заплакать.